

СТОРИНКИ ІСТОРІЇ

Ю. И. Кундиев работает над книгой «Институт сквозь призму эпох». Автор дал согласие на публикацию отдельных глав книги в журнале. Продолжение, начало в № 3-4 /2012, № 1/ 2013.

ИНСТИТУТ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭПОХ

Ю. И. Кундиев

Восстановительный период

Война еще продолжалась, а в освобожденных городах и селах шла напряженная работа по восстановлению фабрик и заводов, шахт, институтов, школ и больниц.

Народному хозяйству Украины был нанесен огромный ущерб — в руинах лежали крупнейшие металлургические заводы (Азовсталь, Запорожсталь, Сталинский, Макеевский, Криворожский металлургические, коксохимические заводы, Харьковский тракторный, Киевский и Харьковский станкостроительные заводы). Варварскому разрушению подверглись угольные шахты Донбасса — 2100 подземных выработок были завалены и затоплены. Практически полностью была уничтожена медицинская сеть, обслуживающая рабочих: 500 больниц, более 1000 поликлиник и амбулаторий, всего около 8000 медицинских учреждений [1].

В октябре 1943 года Государственный Комитет обороны принял специальное постановление о восстановлении угольных шахт Донбасса. Повсеместно создавались комиссии по ликвидации последствий войны. Положение усугублялось из-за голода и нищеты населения, оставшегося на оккупированной территории и тех, кто возвращался из эвакуации. Увеличилось число инфекционных заболеваний, главным образом, кишечных.

В восстановительный период был принят указ о принудительном труде лиц, уклоняющихся от трудовой деятельности и ведущих паразитический образ жизни, ужесточены меры по соблюдению трудовой дисциплины. Это дало положительный эффект — трудности оставались, но восстановление народного хозяйства шло ускоренными темпами — к концу 1944 года было восстановлено 8 доменных и 37 мартеновских печей, 23 прокатных стана, в Донбассе было введено в строй более 400 мелких шахт. Работало много людей, в том числе малоквалифицированных и малограмотных, в основном из западных аграрных областей [2].

29 июня 1944 года распоряжением Правительства УССР № 617 деятельность Института была восстановлена. Директором был назначен Н. К. Витте, заместителем по науке — М. В. Лейник. Начали с ремонта здания по улице Рейтарской, 14. Лаборатории постепенно оснащали оборудованием (незначительная часть была возвращена после реэвакуации из Челябинска), возвращались сотрудники, разбросанные войной.

Сегодня трудно представить условия, в которых приходилось работать в ту пору. Н. К. Витте вспоминал: «...стулья надо было приносить из дому, за одним письменным столом работало два, а то и три сотрудника». Перед экспериментальными мастерскими была поставлена задача по ремонту пришедших в негодность приборов и изготовлению новых. Дирекция Института уделяла должное внимание формированию библиотечного фонда (довоенный фонд был утрачен полностью). Книги и журналы поступали из Москвы, Ленинграда, Свердловска, Харькова. Свидетельства этой бескорыстной помощи можно найти в фондах библиотеки Института и в наши дни.

В 1946—1947 годах велись работы по восстановлению микроклиматической камеры для проведения исследований на людях.

Наркомздрав УССР поручил Институту разрабатывать проблемы гигиены труда не только в сельском хозяйстве и сахарной промышленности, но и в металлургической и нефтяной отраслях. Однако главной темой в те годы была ликвидация санитарных последствий войны. Задача состояла в том, чтобы на восстанавливаемых предприятиях обеспечить весь комплекс эффективных мер по оздоровлению условий труда, максимально сократить количество рабочих мест с вредным влиянием на здоровье. На многих фабриках и заводах в тот период основной рабочей силой были женщины (демобилизация происходила постепенно, вплоть до 1947 г.). Поэтому проблема гигиены и физиологии женского труда была наиболее актуальной.

В июле 1946 года в Институт после демобилизации возвратился Г. Х. Шахбазян, он занял свою довоенную должность директора Института. В декабре 1946 года директор уже отчитывался о работе Института [3].

Значительный интерес представляет сравнительный анализ заболеваемости рабочих основных отраслей промышленности в довоенный период и в первые послевоенные годы. Эта тема стала предметом кандидатской диссертации М. Я. Супоницкого.

В 1946 году сотрудники Института Н. К. Витте, И. О. Гилула, В. Л. Брит, Т. А. Лебедева, Г. Е. Жирнова провели в экспедиционных условиях исследования, направленные на выявление вредностей в озокеритовом производстве. Были проведены также углубленные медицинские осмотры работающих.

В этом же году для разработки региональных проблем во Львове была создана специальная лаборатория Института, ее возглавил доцент Б. Л. Чернин. Кроме вопросов гигиены труда в озокеритовых шахтах, ей было поручено изучить условия труда при открытом сжигании газа на Львовском электроламповом заводе, а также при строительстве газопровода Дашава — Киев.

Без преувеличения можно назвать эпохальным начало исследований по токсикологии ДДТ, которые проводились под руководством С. Г. Серебряной. Как известно, выдающийся швейцарский химик Пауль Герман Мюллер в 1948 году был удостоен Нобелевской премии по физиологии и медицине «за открытие высокоэффективного ДДТ, как контактного яда». Первоначально этот инсектицид предназначался для уничтожения сыпнотифозных вшей и малярийного комара [4]. Опыт применения ДДТ в период Второй мировой войны показал, что с его помощью можно успешно предупредить эпидемии сыпного тифа, окопной лихорадки и малярии. После войны ДДТ начали использовать для борьбы с вредителями сельскохозяйственных культур и в животноводстве. Причем, масштабы применения его постоянно увеличивались. Со временем в Киеве был построен завод по производству ДДТ. Возникла необходимость в изучении острой и хронической токсичности различных препаративных форм, кумулятивных свойств, разработке методов ранней диагностики и лечения интоксикаций. В последующем на основе этих исследований были сделаны выводы об опасности длительного воздействия ДДТ даже в самых малых дозах.

Впервые прозвучало заключение об ограничении применения этого инсектицида в сельском хозяйстве, а в ближайшей перспективе полного запрещения. Из-за высокой эффективности ДДТ и его дешевизны реализация этих рекомендаций ученых постоянно откладывалась вплоть до 1970 года.

В 1946 году Н. К. Витте, И. М. Эрман, Б. Л. Чернин начали изучение метеорологических условий в металлургической промышленности. М. В. Лейник продолжал, начатые еще до войны, экспериментальные исследования динамики работоспособности при различных режимах труда и отдыха. Важными для практики того времени были исследования условий труда при ручной дойке. Эта чрезвычайно тяжелая работа часто приводила к профессиональным заболеваниям — «болезни рук доярок». М. В. Лейник разработал рациональный режим труда и отдыха при ручной дойке. Кроме того, была предложена схема массового обследования условий труда доярок с целью профилактики профессиональных заболеваний [5].

Г. Х. Шахбазян сумел привлечь в Институт немало опытных и молодых врачей и биологов, главным образом из демобилизованных из армии. Это были: С. М. Богушевский, В. Г. Бойко, Г. Е. Жирнова, В. А. Киселенко, Б. А. Кривоглаз, В. Г. Крыжановский, О. Ф. Максимова, А. З. Мамсиков, А. П. Охрименко, М. А. Хвойницкая. Многим из них было нелегко после службы в армии, участия в боевых действиях приобщаться к науке.

В конце 1942 года в СССР активизировалась работа по так называемому урановому проекту — созданию атомной бомбы. Ключевую роль в этом играла группа физиков под руководством И. В. Курчатова. Урановый проект, а также участие ученых в совершенствовании обычного вооружения способствовало повышению престижа науки в целом. Коренным образом изменилось отношение власти к ученым. В 1946 году Й. Сталин в речи перед избирателями заявил: «...если мы окажем должную помощь нашим ученым, то они сумеют в ближайшем будущем не только догнать, но и превзойти достижения науки за пределами нашей страны». Это заявление вождя было реализовано незамедлительно — уже в марте 1946 года бюджет на науку был увеличен в три раза. Научные работники получили существенную прибавку к заработной плате.

В эти же годы началась компания по преодолению «низкопоклонства перед Западом» или иначе

борьба с космополитизмом. Была усилена цензура, ограничен доступ к иностранной литературе. Нередко дело доходило до абсурда — автор статьи должен был представить цензору справку от учреждения, в котором он работал, о том, что его статья ничего нового не содержит, лишь после этого публикация становилась возможной. Чем меньше цитировалась иностранная литература, тем легче проходила диссертация в ученых советах и ВАКе. Над учеными устраивались «суды чести», их нередко обвиняли в антипатриотических поступках. Судили биологов Ключеву и Роскина якобы за то, что они во время пребывания в США выдали (рассекретили) свою разработку противоракового препарата — «Круцин». Арестован был также заместитель министра здравоохранения СССР В. В. Парин.

Так совпало, что в это же время в США в командировке находился академик Р. Е. Кавецкий. Его дочь рассказывала, как на протяжении месяца Ростислава Евгеньевича каждый вечер вызывали в НКВД и задавали один и тот же вопрос: «Когда, где и при каких обстоятельствах Вы встречались в США с Ключевой и Роскиным?». Он с ними вообще не встречался, но такой ответ кого-то не устраивал. Наконец, академик Р. Кавецкий не выдержал и заявил: «Вы можете меня арестовать, можете расстрелять, но добровольно я больше никогда к вам не приду». После этого вызовы прекратились, академика оставили в покое [6].

Можно утверждать, что в первые послевоенные годы в развитии науки происходили противоречивые процессы. С одной стороны, улучшалась материально-техническая база институтов, повышалась зарплата ученым, а с другой, — вмешательство и жесткий контроль их деятельности, монополизм в отдельных отраслях знаний, прежде всего в биологии, стремление идеологизировать науку — это, безусловно, препятствовало прогрессу. В результате это привело к резкому отставанию в генетике, кибернетике и смежных дисциплинах.

Отчет о деятельности Института за 1946 год был завершен конкретными требованиями, без выполнения которых, как указывал Г. Х. Шахбазян, дальнейшее развитие Института вообще невозможно:

«Необходимо предоставить Институту другое здание, в котором можно было бы развернуть все отделы и клинику профессиональных болезней Института.

Создать возможности для оснащения Института современной аппаратурой.

Усилить кадры Института за счет молодежи и создать при Институте аспирантуру».

Следует сказать, что все эти требования были выполнены. В 1947–1948 годах немецкие военнопленные восстанавливали выделенное Институту здание бывшей офтальмологической клиники по улице Чкалова, 33 (ныне улица О. Гончара) — прием в аспирантуру начался в 1947 году. В тот период были созданы ингаляционные камеры для затравки животных пылевидными химическими веществами, разработана новая конструкция микроклиматической камеры (тепловой и холодной).

Несмотря на то, что приходилось решать множество организационных и хозяйственных дел, сотрудники Института уделяли должное внимание подготовке публикаций результатов научных исследований. В 1946 году вышла в свет монография Л. И. Медведя «Токсикологія деяких органічних сполук ртуті» [7]. Это первое монографическое обобщение результатов исследований, выполненных в Институте в довоенное время.

В 1947 году под редакцией Г. Х. Шахбазяна и Н. К. Витте был опубликован сборник рефератов научных работ [8]. В предисловии редакторы писали, что им «...удалось собрать часть ненапечатанных трудов, выполненных до войны, ...признано целесообразным издать их в виде рефератов, так как опубликование работ в целом сопряжено с известными трудностями и не может быть осуществлено».

Сборник содержит пять разделов:

- 1) Гигиена производственного микроклимата;
- 2) Гигиена сельскохозяйственного труда;
- 3) Гигиена труда в сахарной промышленности;
- 4) Гигиена труда в озокеритовой промышленности;
- 5) Отдельные исследования в области гигиены труда.

Это издание в полной мере отражает скромные возможности того времени — газетная бумага, мягкая обложка, но его научное содержание заслуживает самой высокой оценки. Статьи по гигиене производственного микроклимата, по токсикологии органических соединений ртути могли бы украсить самые авторитетные журналы. Некоторые из них с полным правом могут быть отнесены к разряду хрестоматийных, например, «Определение теплоотдачи конвекцией, радиацией и испарением» (Н. К. Витте) или «О теплообмене через дыхательные пути» (И. М. Эрман).

В 1948 году Институт практически полностью восстановил свою деятельность, прибавились новые направления, объем выполняемых работ постоянно увеличивался. Сотрудники считали своим долгом оказывать помощь промышленным предприятиям г. Киева, изучали заболеваемость рабочих основных отраслей промышленности в масштабах всей республики, начали систематически проводить исследования по гигиене и физиологии подростков.

В первые послевоенные годы число научных сотрудников Института не превышало 30 человек. Каждый выполнял не одну, а несколько тем. Оборудование пополнялось довольно слабо, оно не всегда соответствовало требованиям тех заданий, которые решал Институт. На первое января 1948 года стоимость всего имущества, которым располагал Институт (приборы, мебель и прочее), составляло всего лишь 217 тыс. руб. В конце 1948 года было завершено восстановление здания Института по улице Чкалова, 33. Новое помещение, которое было приспособлено для нужд лабораторий, по площади в четыре раза превышало то, где Институт располагался ранее (по улице Рейтарская, 14).

В этом же помещении разместились кафедра гигиены труда Киевского медицинского института. До 1951 года заведующим был доцент Л. И. Медведь, а одним из ассистентов — И. М. Трахтенберг.

1948 год вошел в историю советской науки как год завершения разгрома генетиков и начало погрома кибернетиков, физиологов — антипавловцев, а в последующем и «дела врачей — отравителей».

Более пятнадцати лет в СССР продолжалась дискуссия по проблемам наследственности. Инициировал ее Т. Д. Лысенко — президент ВАСХНИЛ, отрицавший существование генов и пытавшийся доказать теорию наследования благоприятных признаков (неоламаркизм). Его поддерживал лично Й. Сталин. Вместо научных аргументов к противникам Т. Лысенко применялись репрессивные меры. Многие генетики, среди них выдающийся ученый с мировым именем академик Н. И. Вавилов, были расстреляны или погибли в лагерях и тюрьмах [9]. Тяжелую утрату понесла классическая генетика в Украине — был репрессирован главный ученый секретарь АН УССР, гене-

тик, академик И. И. Агол, не выдержав давления, С. М. Гершензон отказался от принципов хромосомной теории.

Кульминацией этой дискуссии стала проведенная в августе 1948 года сессия ВАСХНИЛ, решения которой нанесли непоправимый урон биологической науке. Классическая генетика как отрасль знаний была объявлена вне закона [10]. Торжествовала государственная псевдонаука. Это стало возможным только в результате грубого вмешательства партийных органов в науку. Доклад Т. Лысенко «О положении в биологической науке» редактировал лично Сталин [11]. Пересматривали учебные программы в школах и институтах, преподавали мичуринскую биологию в интерпретации Лысенко. Биологическую науку — исследовательские институты, университетские кафедры возглавляли приспешники Т. Лысенко (помню лекции на кафедре биологии в Киевском медицинском институте, которые читала профессор К. Ю. Кострюкова, ярая сторонница идей Т. Лысенко).

В Академии медицинских наук СССР, в институтах, проходили специальные заседания, на которых разоблачали «реакционеров — генетиков», принимали решения более полно использовать мичуринское учение при решении проблемы взаимодействия человека и коллектива с внешней средой.

Вейсманизм и морганизм трактовались не иначе, как буржуазное, чуждое нам направление в биологии.

Вместе с тем, отдельные ученые, несмотря на преследования и даже угрозу жизни, последовательно отстаивали подлинно научные принципы генетики. Среди них Л. А. Орбели, Н. П. Дубинин, И. А. Раппопорт, Г. Г. Тиняков и др. Н. П. Дубинин вспоминал: «...В. Е. Альгшулер, мой старый друг, приезжал ко мне домой и все пытался убедить, что в выдвинутых Т. Д. Лысенко принципах адекватного наследования приобретенных свойств есть особый глубокий смысл. Я его выслушал и послал к черту»*.

Подлинным героем на сессии ВАСХНИЛ в 1948 году стал Иосиф Абрамович Раппопорт. Официально в газетах сообщалось о хулиганской выходке одного из участников сессии — И. А. Раппопорта. На самом же деле, он — боевой офицер, разведчик, потерявший в результате тяжелого ранения глаз и вынужденный ходить с черной

*Дубинин Н. П. *Вечное движение*. — М.: Изд-во Полит. лит., 1973. — С. 275.

повязкой, ученик выдающегося генетика Н. К. Кольцова, по праву считается одним из первооткрывателей химического мутагенеза, бесстрашно защищал генетику от нападков неучей.

И. И. Презент — верный оруженосец Т. Д. Лысенко, выступая на сессии, заявил: «...когда мы вместе со всей страной проливали кровь на фронтах Великой Отечественной войны, эти мухаводы...» (так оскорбительно называли генетиков, имея в виду их опыты на дрозофилах). Закончить фразу ему не дал И. А. Раппопорт. Он, как раненый зверь, вскочил на трибуну, схватил И. И. Презента за горло и кричал на весь зал: «Это ты, сволочь, проливал кровь?» Ответить перепуганный и почти задушенный лжеученый, и к тому же дезертир, не мог. И. И. Презента с трудом освободили из рук разъяренного оппонента — гвардии майора, трижды представлявшегося к званию «Герой Советского Союза» и ни разу не получившего его. На сессии он совершил подвиг сродни подвигам на войне — он своей смелостью и принципиальностью защитил честь и достоинство ученых от мракобесия. Его исключили из партии, уволили с работы, он вынужден был без малого 10 лет находиться в палеонтологических экспедициях. Студенты о нем слагали легенды.

В конце 1960-х годов я слушал доклады И. А. Раппопорта на конференциях по фосфорорганическим соединениям. Академик Н. Н. Семенов создал для него отдел химического мутагенеза в Институте химической физики АН СССР, где опальный ученый был надежно защищен от инквизиторов. Там он открыл «супермутагены», среди них немало пестицидов.

Золотая звезда все же нашла своего героя, но на этот раз не Героя Советского Союза, а Героя Социалистического Труда. В ноябре 1990 года группа несломленных генетиков — противников Т. Д. Лысенко была удостоена высоких правительственных наград. Героями стали: И. А. Раппопорт, И. П. Дубинин, В. С. Кирпичников и В. А. Струнников. Справедливость с большим опозданием, но все же восторжествовала.

«Лысенковщина» продолжалась довольно долго, вплоть до середины 60-х годов прошлого столетия. Понадобились авторитет и решительность президента М. В. Келдыша, чтобы окончательно развенчать «государственную лженауку». В

1965 году на общем собрании Академии он заявил: «На развитии биологии в большой мере отразилось монопольное положение группы ученых, возглавляемой академиком Т. Д. Лысенко, отрицающей ряд важнейших направлений биологической науки и внедрявшей свои точки зрения, часто несоответствующие современному уровню науки и экспериментальным фактам... в частности, отрицались важнейшие достижения генетики... для внедрения неправильных точек зрения были использованы методы администрирования... исключительное положение, которое занимал академик Т. Д. Лысенко, не должно продолжаться»*.

Целое поколение биологов и врачей не получили необходимой подготовки. Приходилось наверстывать упущенное спустя десяток лет, однако последствия многолетнего господства псевдонауки полностью не преодолены и поныне.

В наше время даже трудно представить, как могла развиваться фундаментальная, клиническая и профилактическая медицина в условиях полного монополизма «лысенковщины». Но это было.

Не успели еще покончить с вейсманизмом-морганизмом, как начались новые кампании — борьба за чистоту Павловского учения и дискуссия по вопросам языкознания.

Группа физиологов (Павловский совет) во главе с академиком В. М. Быковым взяла на себя функцию верных последователей и продолжателей великого физиолога. Представители биологической и медицинской науки были разделены на верных павловцев и антипавловцев.

По образцу и подобию сессии ВАСХНИЛ в июне 1950 года была проведена объединенная научная сессия АН СССР и АМН СССР, посвященная проблемам физиологического учения академика И. П. Павлова [12]. Критике подверглись ближайшие ученики И. П. Павлова — Л. А. Орбели, П. К. Анохин, П. С. Купалов, а также И. С. Бериташвили, Е. Б. Бабский, А. Г. Генецинский, А. В. Лебединский и др. Их обвиняли в том, что они стремились создать свои собственные школы и якобы противостоять тем самым общему направлению учения И. П. Павлова.

В ноябре 1950 года состоялась научная сессия АН УССР с участием работников здравоохранения и ВУЗов, на которой продолжился разгром «антипавловцев» на местном уровне — в Украине. Роль

*Дубинин И. П. — Там же. — С 396.

главного обвинителя досталась члену-корреспонденту Г. В. Фольборту. Критике подверглись ученики академика А. А. Богомольца. Было заявлено, что большинство патофизиологов недооценивает значение центральной нервной системы в патологических процессах. Профессора М. М. Губергрица — ученика И. П. Павлова, обвинили в том, что он односторонне подходил к вопросам патогенеза и терапии различных заболеваний, не развивал идей нервизма Боткина-Павлова. Порочным был признан учебник по физиологии Е. Б. Бабского, который якобы приписывал открытия отечественных ученых иностранным авторам [13].

В 1951 году в Киеве состоялось выездное заседание Павловского совета. Фактически основная цель состояла в том, чтобы подвергнуть уничтожающей критике и нанести удар всемирно известной школе Богомольца. Частично это удалось. Институт клинической физиологии объединили с Институтом экспериментальной биологии и патологии, из двух институтов, созданных А. А. Богомольцем, остался один. В целом, ученики Александра Александровича с достоинством выдержали удар, хотя отдельные из них проявили слабость. Выдающийся представитель школы А. А. Богомольца академик Р. Е. Кавецкий как-то доверительно сказал: «Патфизиология никогда не достигнет таких вершин, как могла бы, если бы не ее разгром во время Павловского совета. Также будет неизбежно отставать и генетика, и кибернетика после погромов»*.

Физиологов, в отличие от генетиков, не арестовывали, в лагерь не ссылали, но снимали с занимаемых должностей, лишали работы, дискредитировали как ученых. Широкое внедрение Павловского учения стало обязательным. Это касалось не только институтов и кафедр физиологии, но и клиник, других учреждений медико-биологического профиля, включая гигиенические институты.

Г. Х. Шахбазян опубликовал ряд статей о значении Павловского учения для гигиенической науки [14, 15]. В одной из них он подробно описал опыт Киевского института гигиены труда и профессиональных заболеваний, касающийся применения метода условных рефлексов для целей гигиенического нормирования фосфорорганического пестицида (тиофос). Хотя для этого вещества с выраженным антихолестеразным типом действия следовало бы использовать специфический показатель — в

данном случае уровень угнетения холеностеразы крови. Но все стремились быть «правоверными».

Мой научный руководитель, профессор М. В. Лейник первоначально предложил мне изучить биохимические изменения в мышцах при различных типах работоспособности и в различные стадии отдыха. Затем, по совету Л. И. Медведя, он изменил свое решение — новая тема, одобренная Ученым советом Института, звучала в духе требований времени по-павловски: «Влияние различных состояний коры больших полушарий головного мозга на мышечную работоспособность». Так, не по своей воле, я оказался участником противостояния «павловцев» с «антипавловцами», которое вскоре пошло на убыль.

Спустя некоторое время, после того как спал накал борьбы, стало очевидным, что эта кампания не способствовала развитию Павловского учения, а скорее наоборот, — новые направления, такие как эволюция рефлекторной деятельности, сравнительная физиология нервной системы, саморегулирующаяся функциональная система и др. были свернуты.

Сегодня однозначно оценить значение Павловской сессии довольно сложно. С одной стороны, она способствовала популяризации идей нервизма, учения о высшей нервной деятельности — было издано полное собрание научных трудов И. П. Павлова в шести томах, Павловские среды в трех томах, избранные произведения И. М. Сеченова, И. П. Павлова, Н. Е. Введенского, «Физиология нервной системы» в четырех томах, а, с другой, нанесла ущерб ряду направлений физиологической науки. Кроме того, нередко популяризация скорее походила на вульгаризацию.

В ту пору я, как прилежный аспирант отдела физиологии труда, внимательно следил за литературой. Я прочел книгу под интригующим названием «Временные связи», автор — известный популяризатор науки А. Поповский [16], и нашел в ней множество ошибочных положений, примитивных трактовок учения И. П. Павлова об условных рефлексах, вульгаризмов. Поделился своими впечатлениями с И. М. Трахтенбергом, наши оценки прочитанного полностью совпали. Вдвоем мы написали не просто критическую, а разгромную рецензию и направили ее в одну из самых авторитетных и смелых (так нам тогда казалось) «Литературную газету». Статья не была опубликована, никакого отве-

*Кавецкая-Мазена Н. Н. О моем отце Р. Е. Кавецком и близких ему людях. — Киев : ДИА, 2006. — С. 58.

та из редакции мы не получили. Тогда решили направить в «Медицинскую газету» — результат тот же. Для нас это был предметный урок: тезис о том, что «критика и самокритика — движущая сила нашего общества» применяется избирательно.

Павловская сессия по времени совпала с выходом в свет статьи Й. Сталина «Относительно марксизма в языкознании». Ее по радио читал лучший диктор страны — Юрий Левитан, который в годы войны читал сводки с фронта и приказы Верховного Главнокомандующего. Ученые торжествовали в связи с заявлением вождя о том, что «наука не может существовать без дискуссий» и что аракчеевский режим, который культивирует безответственность и поощряет бесчинства, должен быть ликвидирован.

Но это были только слова, а на самом деле неугодные ученые изгонялись из лабораторий и институтов, профессора лишались кафедр.

Цитирование работы Й. Сталина «относительно марксизма в языкознании» считалось обязательным вне зависимости от тематики и отрасли знаний — особенно в трудном положении оказывались математики, физики, биологи. Вопрос: «...почему вы не цитируете последних работ товарища Сталина по языкознанию» ставил в трудное положение диссертантов и просто докладчиков.

В программу по общественным наукам во всех учебных заведениях был включен курс «Сталинское учение о языке». Система партийного просвещения соответствующим образом перестраивалась. Докатилось это до самых глухих сельских районов.

Федор Абрамов в своем романе «Пути перепутья» приводит такой диалог рядовых колхозников:

«— Иван Дмитриевич, — сказал Филя, — говорят, у нас опять вредители завелись?»

— Какие вредители?

— Академики какие-то. Русский язык, говорят, хотели изничтожить.

— Язык? — страшно удивился Аркадий. — Как это язык?

— Да-да, — подтвердил Игнатий, — я тоже слышал. Сам Иосиф Виссарионович, говорят, им мозги вправил в газете «Правда».

— Ну вот, — вздохнул старый караульщик, — заживем. В прошлом году какие-то космополиты заграничным капиталистам продали, а в этом году академики. Не знаю, куда у нас смотрят-то. Как их, сволочей, извести не могут».

Но на этом не закончилось, впереди советских людей ожидало еще «дело кремлевских врачей» — последний политический процесс Й. Сталина или несостоявшийся юдоцид. Сегодня все это звучит неправдоподобно, но так было.

В 1949–1951 годах Институт пополнился выпускниками ВУЗов первых послевоенных лет, среди них Е. Н. Буркацкая, И. Т. Брахнова, А. Е. Кириенко, И. Б. Крамаренко, Е. П. Краснюк, Ю. И. Кундиев, Г. Г. Лысина, А. А. Меньшов, Ф. М. Шлейфман. Эти люди, испытавшие все трудности военного лихолетья, полные жажды знаний, самым высоким образом ценили представившуюся им возможность работать и учиться в столь авторитетном Институте, где еще витал дух академика В. Ю. Чаговца, были живы традиции, заложенные выдающимся ученым. Надо сказать, что подбирая этих людей в Институт, Г. Х. Шахбазян (директор всегда был ответственным за формирование кадров) ни в ком не ошибся — почти все они стали известными учеными, докторами наук, профессорами, возглавили лаборатории и отделы, их труды — монографии и статьи высоко оценены мировым научным сообществом. Этим они во многом способствовали укреплению авторитета Института и Киевской школы гигиенистов и профпатологов.

Институт к 1951 году по численности научных сотрудников, материально-технической базе существенно превзошел довоенный. Это заслуга многих, но решающую роль сыграли Г. Х. Шахбазян, Н. К. Витте, Б. А. Кривоглаз, М. В. Лейник, М. Я. Супоницкий, И. М. Эрман. Институт всемерно поддерживал Министр здравоохранения УССР Л. И. Медведь.

4. Лауреаты Нобелевской премии. 1901–2001.– К., 2001.– С. 252.

5. Лейник М. В. Питання фізіології праці в соціалістичному сільському господарстві / М. В. Лейник.– К.: Держмедвидав УРСР, 1957.– С. 93.

6. Кавецкая-Мазепа Н. О моем отце Р. Е. Кавецком и близких ему людях / Н. Кавецкая-Мазепа.– К.: ДиА, 2006.

7. Медведь Л. И. Токсикологія деяких органічних сполук ртуті / Л. И. Медведь.– К.: Держмедвидав, 1946.– С. 116.

Литература

1. Супоницкий М. Я. К 50-летию победы в Великой Отечественной войне / Супоницкий М. Я. // Гигиена труда и профессиональные заболевания. 1975.– № 5.– С. 10.

2. Очерки истории Украины / под. ред. П. П. Толочко.– К.: Киевская Русь, 2010.– С. 404.

3. Шахбазян Г. Х. Киевский институт гигиены труда и профзаболеваний, 1946 (рукопись).

8. Сборник рефератов научных работ.– К.: Госмедиздат УССР, 1947.– С. 195.

9. Глазко В. И. Н. И. Вавилов и его время. Хроника текущих событий / В. И. Глазко.– К. PANOVA, 2005.– С. 448.

10. Дубинин Н. П. Вечное движение / Н. П. Дубинин.– М.: Политиздат, 1973.– С. 446.

11. Медведев Ж. Неизвестный Сталин / Ж. Медведев.– М.: Время, 2011.– С. 184, 195.

12. Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения акад. И. П. Павлова.– М.: АН СССР, 1950.– С. 734.

13. Постановление научной сессии АН УССР с участием работников здравоохранения и ВУЗов, посвященная проблемам физиологического учения акад. И. П. Павлова // Вопросы физиологии.– 1951.– № 1.– С. 7.

14. Шахбазян Г. Х. Павловское учение в гигиеническую науку / Г. Х. Шахбазян // Врачебное дело.– 1950.– № 5.– С. 1.

15. Шахбазян Г. Х. Опыт Киевского института труда и профзаболеваний по внедрению физиологического учения И. П. Павлова в гигиенические исследования / Г. Х. Шахбазян // Гигиена и санитария.– 1967.– № 6.– С. 233.

Електрифікація плюс хімізація

То, что я писал в предыдущих главах, основывалось на архивных материалах, сведениях, заимствованных из литературных источников, воспоминаниях свидетелей. Теперь я буду писать об Институте как непосредственный участник событий, буду касаться тех поворотов истории, которые отражались на жизни и деятельности людей, занимавшихся наукой. Конечно, это субъективный рассказ, но он опирается на факты, оценка которым дана в новейшей истории. Я приложу все усилия для того, чтобы представить живой облик известных мне людей, которые в трагические периоды XX века, являли собой пример нравственности, когда такой выбор подавляющему большинству казался невозможным. Я не раз убеждался в том, что писать об этом надо хотя бы потому, что поколение молодых, как сказал один американский журналист, поражено исторической глухотой. Оно не знает ни злодеев, ни героев прошлого и поклоняется разве что звездам рок-музыки [1].

Начало 1950-х годов. Народное хозяйство, разрушенное войной, восстановлено. Казалось, теперь должна бы наступить пора расцвета в экономике и, конечно, в науке и культуре. Однако все еще давали о себе знать авторитаризм, командно-административные методы руководства. Среди людей вновь возник страх перед системой, который поумniejszyлся в первые годы после победы над гитлеровской Германией. В стране нагнеталась истерия в связи с «делом еврейского антифашистского комитета», развернулась борьба с космополитизмом [2, 3].

Классовый подход существенно тормозил развитие, особенно, науки и культуры. Бесконечные дискуссии в области генетики, физиологии, язы-

кознания, экономики социализма фактически заканчивались гонениями и преследованием инкомыслящих, правда, «расстрельных дел» было уже намного меньше.

В Украине происходила ожесточенная борьба с буржуазным национализмом. Она затронула выдающихся деятелей украинской литературы М. Рильского, В. Сосюру, Ю. Яновского и др. Мирослав Попович достаточно точно характеризует этот период: «...контроль над обществом был почти абсолютным, он охватывал всю науку и культуру, включая повседневное поведение, террор был минимально публичным, но максимально эффективным»*.

В ноябре 1951 года Пленум ЦК КП(б)У осудил уступки буржуазному национализму в творчестве украинских писателей и вновь подверг критике М. Рильского, В. Сосюру, композитора К. Данкевича за оперу «Богдан Хмельницкий» [4].

В то время автор — выпускник санитарно-гигиенического факультета Киевского медицинского института (ныне Национальный медицинский университет имени А. А. Богомольца), готовился к отъезду в Мордовскую АССР, куда он получил назначение.

Студенческие годы — особая пора в жизни каждого — часто голодная, но всегда веселая. Невзгоды переносятся легче благодаря вере в лучшее будущее. Мордва так Мордва — спорить я не мог. Что касается ситуации в стране, то молодые люди старались об этом не задумываться, их приучили к тому, что политика партии является единственно верной. Кроме того, у многих уже был свой опыт — считать эту тему слишком опасной. Не таким уж безобидным выглядел студенческий афоризм: «Вот время: Президент — не подарок, Штерн — не звезда, Берг — не гора».

*М. Попович. XX червоне століття.— К.: АртЕк, 2005.— С. 546.

Неожиданно для меня председатель Государственной экзаменационной комиссии профессор Г. Х. Шахбазян предложил мне поступить в аспирантуру при Институте гигиены труда и профзаболеваний. Тот час последовала рекомендация на науку, которую инициировал и активно пробивал в деканате и ректорате ассистент кафедры гигиены труда И. М. Трахтенберг — секретарь бюро факультетской парторганизации.

После успешно сданных вступительных экзаменов официальное утверждение в Министерстве здравоохранения УССР затянулось на несколько месяцев. Влиять на этот процесс могли только мой будущий руководитель профессор М. В. Лейник — он совмещал работу в Институте с работой в министерстве, и директор Института профессор Г. Х. Шахбазян.

Нетрудно было догадаться, что причиной этой волокиты являлся мой отец, репрессированный в 1936 году и расстрелянный в 1937 году. Г. Х. Шахбазян доверительно сказал мне, что я не умею писать автобиографию: об отце я написал все, что знал, а о старшем брате — капитане-артиллеристе, принимавшем участие в боевых действиях под Москвой, на Курской дуге и в других сражениях, тяжело раненом, удостоенном за воинские подвиги высоких наград — весьма кратко. Надо все переписать, потому что дело будет рассматривать лично министр здравоохранения Л. И. Медведь.

Я стал аспирантом благодаря счастливому стечению обстоятельств и вмешательству в мою судьбу людей, не только стремившихся в трудное время к справедливости, но и имевших доброе сердце.

Вхождение в коллектив Института было довольно простым. Обстановка отличалась искренней благожелательностью. Каждый новичок посещал все лаборатории, с ним знакомились и вводили в курс дела — рассказывали, кто и чем занимается. Обязательным было посещение конференций в Институте и вне его, заседаний научных обществ (кроме общества гигиенистов я посещал заседания общества биохимиков, физиологов и фармакологов). Польза от этого была огромной, это не только получение новых знаний, но и обучение — как вести научную дискуссию, отстаивать свою точку зрения, не вызывая гнева грозных начальников от науки. Прав был академик Лев Васильевич Громашевский, когда однажды заявил: «Я воспитан на собраниях».

Страсти по Ивану Петровичу Павлову продолжались. В гигиенической науке, в частности, в профилактической токсикологии, также произошло разделение на «павловцев» и «антипавловцев». Так, профессор Н. В. Лазарев — создатель ленинградской школы промышленных токсикологов, яркий ученый, энциклопедически образованный человек, был отнесен к числу «неверных». На I Всесоюзной конференции промышленных токсикологов (1951 г.) происходила бурная дискуссия. Г. Х. Шахбазян выступил со смелым, по тем временам, докладом, ссылаясь на данные молодых специалистов Е. И. Финкельштейн-Спыну и Е. Н. Буркацкой, изучавших влияние на условные рефлексы двух пестицидов — тиофоса и гексахлорана. Он сделал вывод о том, что не всегда изменения со стороны нервной системы являются первичными и определяющими [5].

В ту пору в исключительно сложном положении находились руководители научных учреждений. Их обязывали выполнять указания высших партийных органов. Никакие обстоятельства в расчет не принимались. Речь шла не только об изменениях научных планов институтов и лабораторий, но чаще и о кадровых переменах. В числе гонимых нередко оказывались талантливые ученые, проявлявшие принципиальность в отстаивании своей позиции, которая не совпадала с официальной, навязываемой сверху.

Вначале 1950-х годов партийные органы активизировали пропаганду, направленную против врачей и ученых еврейской национальности. «Периодическая печать от газеты «Правда» до журнала «Крокодил» пестрела еврейскими фамилиями в разносных статьях о халатности, разгильдяйстве, семейственности и других грехах, в каких только можно обвинить человека. Причем, статьи были не только на медицинские темы. Вряд ли кто-либо мог расценить эти и другие эпизоды как грозные симптомы готовившегося Сталиным наступления на элиту советской медицины»*.

В 1952 году с поста Министра здравоохранения УССР был смещен Л. И. Медведь, сыгравший выдающуюся роль в восстановлении здравоохранения, разрушенного войной (себя он называл Министром для тяжелых времен). Почти одновременно с поста Министра здравоохранения СССР был смещен генерал-полковник Е. И. Смирнов (во время войны он был начальником Главного военно-санитарного управления Советской Армии).

*Лясс Федор. Последний политический процесс Сталина или несостоявшийся юдоцид. — Иерусалим: Филобиблон, 2006.— С. 99.

Официально причины отставки этих двух видных деятелей советского здравоохранения не сообщались. Но большинству было очевидно, что это связано с их позицией в отношении врачей еврейской национальности, которая не соответствовала указаниям партийных органов.

Л. И. Медведь несколько месяцев оставался без работы, в Киеве для него места не было (П. Л. Шупик, сменивший его на посту министра, считал, что он должен ухать в г. Житомир и там возглавить облздравотдел). Неожиданно профессор Г. Х. Шахбазян подал заявление с просьбой освободить его с поста директора Института и на свое место рекомендовал Л. И. Медведя. Сам он был избран заведующим кафедрой гигиены труда Киевского медицинского института и по совместительству остался руководителем лаборатории гигиены производственного микроклимата в Институте.

После довольно длительных согласований и проволочек в Министерстве здравоохранения и ЦК компартии УССР директором был назначен доцент Л. И. Медведь. Это было «второе пришествие» Льва Ивановича в Институт. В коллективе это событие было воспринято весьма положительно — во главе Института становился опытный государственный деятель, талантливый организатор здравоохранения, исследователь, человек, хорошо знавший Институт и многих сотрудников.

13 января 1953 года во всех центральных газетах было опубликовано сообщение ТАСС об аресте «террористической группы» врачей — видных деятелей отечественной медицины, обвиняемых во «вредительском лечении» [6]. На следующий день передовица в «Правде» вышла под хлестким названием — «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей».

А началось «дело врачей» с профессора В. Н. Виноградова, который во время своего последнего визита к Сталину в 1952 году обнаружил у него заметное ухудшение здоровья. Совершенно естественной была врачебная рекомендация — максимально воздержаться от активной деятельности. Пациент пришел в бешенство. Виноградова к нему больше не допустили и вскоре арестовали, а недовольство Й. Сталина врачами стали активно прорабатывать в МГБ.

Вслед за профессором В. Н. Виноградовым были арестованы М. С. Вовси, Б. Б. Коган, А. М. Гринштейн, В. Х. Василенко, П. И. Егоров, А. Н. Федоров. Во вторую волну попали Я. С. Темкин,

В. В. Закусов, Э. М. Гольштейн, И. И. Фейгель, Я. Л. Раппорт, А. И. Фельдман, В. Ф. Зеленин, Б. С. Преображенский и др., были арестованы также жены многих из них. Все были лечащими врачами и консультантами в Кремлевской больнице, за исключением В. В. Закусова — выдающегося фармаколога. Почему он оказался вместе с лечащими врачами? Нужны были эксперты. Кроме Л. Тимашук нашлись и другие. К В. В. Закусову обратились с просьбой подписать экспертное заключение на рецепты, которые выписывали «врачи-отравители», чтобы якобы ускорить смерть своих пациентов. Василий Васильевич взял перо и уверенно написал: «Лучшие врачи мира подпишутся под этими рецептами». Этого оказалось достаточно, чтобы он из эксперта стал обвиняемым. Его арестовали, но от своего заключения он не отказался [7].

В стране воцарились страх и всеобщая подозрительность — врачи боялись обвинений со стороны пациентов, а пациенты боялись врачей — вдруг неправильно будут лечить. Распространялись слухи о том, что врачи еврейской национальности прививают пациентам рак.

Вирус страха поразил даже наивысшее научное учреждение страны — Академию наук СССР. Страхом, а не злым умыслом следует объяснить то, что на общем собрании Академии наук СССР президент А. Н. Несмеянов в докладе о задачах академии в свете решений XIX съезда партии упомянул о «подлой банде врачей-вредителей, продавшихся иностранной разведке» [8]. Таких примеров великое множество.

Теперь стало известно, что в угоду Й. Сталину было подготовлено коллективное покаянное письмо от группы ученых, писателей, общественных деятелей еврейской национальности, клеймившее позором «врачей-убийц», извергов рода человеческого, и содержащее просьбу «защитить евреев от справедливого гнева русского народа». Это письмо на имя вождя подписали многие, за исключением Марка Рейзена, Якова Крейзера, Вениамина Каверина, Ильи Эренбурга, академиков Е. С. Варги, И. А. Трахтенберга, А. С. Ерусалимского. Отказ подписать раболепствующее послание в те дни был актом подлинного героизма.

В Институте секретарем парторганизации был руководитель лаборатории промышленно-санитарной химии, кандидат наук Михаил Львович Цап — инициативный, грамотный специалист. Его мигом переизбрали, он вынужден был уйти из Института.

Доцент Йосиф Михайлович Эрман был смещен с поста заместителя директора Института. По сравнению с тем, что происходило в других институтах, это по всеобщему мнению выглядело как формальное реагирование на требования сверху.

Из Киевского медицинского института под предлогом сокращения штатов, борьбы с семейственностью, увольняли молодых (и не только) перспективных сотрудников. Вынуждены были уйти из кафедры фармакологии талантливые молодые ученые — ученики А. И. Черкеса — Ю. С. Каган, М. Л. Тараховский. Уволены были многие сотрудники кафедры терапии, которой заведовал, скончавшийся в 1951 году, академик М. М. Губергриц. Профессора Е. И. Лихтенштейна сняли с поста главного редактора журнала «Врачебное дело», ему долго не могли простить смелое заявление на открытом партийном собрании, которое должно было осудить «врачей-отравителей». Когда ему предоставили слово для выступления, он во всеуслышание заявил: «А я слова не просил». Так он попал в разряд неблагонадежных.

В Украине наибольший размах антисемитская компания получила в г. Харькове, там была создана особая комиссия по проверке кадров медицинских работников (примерно тоже, что и чистка в 1930-х годах). Органы госбезопасности арестовали видного терапевта профессора В. М. Когана-Ясного. Его обвинили в клевете на бойцов Советской Армии: на лекции он привел случай с солдатом, который заболел базедовой болезнью после того, как его взвод пошел в атаку. Ему припомнили также публикацию — «О патологии эндокринной системы у евреев». Заведующего кафедрой гигиены профессора З. Д. Горкина, имевшего свое мнение по поводу происходящих событий, исключили из партии. Вместе с медиками досталось и видным ученым физикам и математикам — А. И. Ахизеру, Г. И. Дринфельду, М. Г. Крейну и др. [9].

Среди руководителей научно-исследовательских институтов было немало таких, кто, как и профессор З. Д. Горкин, критически оценивал ситуацию, происходящую в стране, но мнение свое не высказывал — прямо противостоять партийной инквизиции никто не решался. Они искали способы как сохранить кадры, как оградить от нападков сверху талантливых ученых, не умевших каяться, как создать в сложившихся условиях обстановку для творчества, для развития подлинной науки, роста научных кадров.

Академик Л. А. Орбели восприпятствовал «суду

чести» над видным генетиком Н. П. Дубининым, а этого от него требовали высокие партийные инстанции. Кончилось тем, что он сам попал в немилость во время павловской сессии — ближайший ученик И. П. Павлова стал главным антипавловцем.

Инженеры и материаловеды — дети репрессированных, специалисты еврейской национальности находили защиту у академика Евгения Оскаровича Патона. Институт электросварки был для них не просто пристанищем, там они становились докторами и кандидатами наук, лауреатами государственных премий. С одним из них — профессором В. В. Подгаецким, сыном осужденного по делу СВУ профессора В. Я. Подгаецкого, я поддерживал товарищеские отношения. Он в Институте электросварки был ответственным за гигиенические проблемы [10].

Г. Х. Шахбазян и Л. И. Медведь, которым пришлось руководить Институтом в то трудное время, обладали искусством умело обходить строгие указания партийных органов. Они не только сохранили основные кадры Института и научные направления, но и привлекли в Институт талантливых ученых, которые не по своей воле вынуждены были менять место работы. В конце 1952 года в Институт был зачислен Ю. С. Каган, который возглавил лабораторию токсикологии инсектофунгицидов. Несколько позднее, в Институт пришла талантливый врач-офтальмолог И. П. Медведовская, ей не дали возможности завершить кандидатскую диссертацию на кафедре, которую возглавляла профессор Ф. И. Юзефова.

М. Л. Тараховского пригласил на работу в Черновицкий медицинский институт Н. Б. Маньковский, бывший в ту пору ректором. Многие вынуждены были уезжать из Киева. В Донецке оказалось немало киевских терапевтов.

Довоенный сотрудник Института Г. Ф. Поллак после войны заведовал кафедрой гигиены в Челябинском медицинском институте, его арестовали в январе 1953 года и вместе с другими профессорами-медиками еврейской национальности обвинили в убийстве директора Магнитогорского металлургического комбината.

Люди ожидали трагической развязки «дела врачей» (в некоторых публикациях приводятся сведения о том, что профессоров предполагалось публично повесить на центральных площадях в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Свердловске. При этом, ссылаются на свидетельства тогдашнего

министра обороны СССР Н. А. Булганина). Судьба распорядилась совсем иначе. В ночь на 2 марта 1953 года у Й. Сталина произошло кровоизлияние в мозг. Через два дня он скончался. Вскоре дело «врачей-отравителей» было закрыто, 4 апреля всех арестованных в черных лимузинах развезли по домам [11].

На XX съезде КПСС Н. С. Хрущев заявил: «...Мы чувствовали, что дело с арестом врачей — это не чистое дело. Многих из этих людей мы лично знали, они лечили нас. И когда после смерти Сталина мы посмотрели, как создавалось это «дело», то увидели, что оно от начала до конца ложное. Это позорное «дело» было создано лично Сталиным, но он не успел его довести до конца (в своем понимании) и поэтому врачи остались живыми».

Арестованных врачей освободили, но сказать, что сразу все коренным образом изменилось нельзя. Шлейф антисемитизма тянулся еще не один год. Профессор В. М. Коган-Ясный так и не смог устроиться на работу в Харьковский мединститут, а в Челябинске профессоров выпустили 1 мая и прямо из тюремной камеры отправили на Первомайскую демонстрацию. И все же профессору Г. Ф. Поллаку пришлось уехать из Челябинска в Алма-Ату, только там позволили ему занять кафедру в медицинском институте.

В 1950-е годы особое внимание уделялось вопросу гигиены труда в черной металлургии. И. М. Эрман руководил этим направлением работ. И в данном случае было органическое сочетание производственных исследований и лабораторного эксперимента. С целью нормализации водно-солевого обмена у рабочих горячих цехов М. А. Хвойницкая предложила взамен подсолненной воды белково-витаминный напиток [12]. Его апробацией и широким внедрением в горячих цехах металлургических заводов занималось большинство сотрудников Института. Эта тема приобрела, без преувеличения, государственное значение. О белково-витаминном напитке писали в газетах, говорили по радио и даже на партийных съездах.

Автор этих строк, как и другие сотрудники того времени, не раз отправлялся на Дзержинский металлургический завод для проведения производственных исследований непосредственно в горячих цехах. Вальцовщик летом при ручной прокатке за рабочую смену выпивал 10–15 л подсолненной воды и при этом терял в весе 3–5 кг. При использовании белково-витаминного напитка рабочие значительно меньше пили и меньше теряли в весе.

Наша задача состояла в том, чтобы определить физиологические сдвиги при разных питьевых режимах и различных режимах труда и отдыха. Для молодых научных сотрудников и аспирантов работа в производственных условиях давала чрезвычайно много, вырабатывались организационные навыки, знание условий труда нередко предопределяло лабораторный эксперимент.

Руководитель отдела профпатологии Института Борис Абрамович Кривоглаз изучил состояние сердечно-сосудистой системы у рабочих горячих цехов. Он проводил не только обследование людей, работавших на производстве, но и в эксперименте в микроклиматической камере, где воспроизводил соответствующие условия. Научные результаты были обобщены в виде докторской диссертации, но неожиданно при рассмотрении этой работы в ВАКе его обвинили в нанесении ущерба здоровью добровольцам — участникам эксперимента. В ту пору четких биоэтических требований не существовало. Но для эксперта ВАК не это было главным. Главным была национальность будущего доктора медицинских наук. Понадобилось вмешательство авторитетных гигиенистов — А. А. Летавета, В. К. Навроцкого и др. с тем, чтобы отстоять диссертацию и диссертанта.

Гигиеной труда в черной металлургии Институт занимался вплоть до создания Криворожского института гигиены труда и профзаболеваний в 1956 году. Туда уехали работать многие молодые специалисты, главным образом, из лаборатории гигиены производственного микроклимата: Е. И. Стеженская, А. М. Шевченко, И. Г. Векслер и физиолог труда Н. А. Макаренко.

И все же с приходом Л. И. Медведя в Институте основное внимание стали уделять проблеме токсикологии и гигиене труда при применении инсектофунгицидов в сельском хозяйстве. Существенно расширились связи Института с учреждениями, занятыми синтезом новых химических веществ (Институт элементарноорганических соединений АН СССР, НИУИФ, ВИЗР и др.). Эти исследования относились к числу приоритетных — в стране осуществлялась программа химизации сельского хозяйства, появился новый лозунг: «Социализм — это электрификация плюс химизация народного хозяйства».

Наши химики, в основном, налаживали производство известных на Западе веществ (ДДТ, гексохлоран, гептахлор и др.). В лаборатории М. И. Кабачника создавались оригинальные фосфорорганические соединения. И те и другие требо-

вали токсикологической оценки. В экспериментах на животных широко использовались биохимические, гистохимические, физиологические методы. Определялась активность холинэстеразы как специфического показателя при отравлении фосфорорганическими соединениями (метод, использовавшийся в те годы, был чрезвычайно трудоемким). Из интегральных показателей, кроме метода условных рефлексов, широко использовали метод изолированного каротидного синуса.

Для изучения условий труда в сельском хозяйстве предпринимались экспедиции. В состав бригад кроме гигиенистов-токсикологов включались химики и клиницисты. При чем, выезжать часто приходилось за пределы Украины — в республики Средней Азии, где новые препараты испытывались на плантациях хлопчатника.

В условиях экспедиций не всегда удавалось точно планировать время. Для обработки растений нужны были соответствующие погодные условия, энтомологи выбирали определенную численность вредителей. Иногда выдавалось свободное время — это были самые важные моменты экспедиционной жизни — свободный обмен мнениями по поводу производственных заданий, корректировка планов, затрагивались и более общие вопросы — общественные дела, откровенная оценка событий, происходящих в стране. В экспедициях, как правило, люди становились ближе друг к другу, это позволяло вести доверительные разговоры, что еще совсем недавно было весьма рискованным занятием. В испытаниях новых препаратов принимали участие не только гигиенисты, но и энтомологи, химики-синтетики. Сотрудникам Института нередко приходилось обсуждать методические подходы, оценку результатов, в конечном счете, судьбу тех или иных препаратов, с выдающимися учеными — энтомологом академиком В. П. Васильевым, профессором И. Г. Лифшицем, профессором П. В. Сазоновым, химиками — академиком М. И. Кабачником, профессором Н. Н. Мельниковым и др. Уровень этих неформальных дискуссий был довольно высоким, к ним нужно было тщательно готовиться. Пробелы в специальных знаниях, да и в общей подготовке, сразу бросались в глаза. Такой сотрудник чувствовал себя в коллективе неуютно и рано или поздно покидал его.

В эти годы частым гостем Института был выдающийся фармаколог-токсиколог, основатель одной из первых токсикологических лабораторий в СССР

(она была организована не в Институте, а на заводе «Красный треугольник») — Николай Васильевич Лазарев. Его книга «Основы промышленной токсикологии», изданная в 1938 году, справедливо отнесена к числу классических руководств [13]. Встречи с ученым всегда проходили в форме семинаров, а начинал он с традиционного заявления: «Только не думайте, что я все знаю. О своем предмете вы знаете гораздо больше меня». На одном из таких семинаров родилась тема моей докторской диссертации — «Дермальная токсикология фосфорорганических пестицидов».

В 1952 году Минздрав УССР назначил Институт главным по проблеме «Гигиена труда и профпатология». Эту функцию ранее выполнял Харьковский институт, но в послевоенные годы лидерство постепенно переходило из первой столицы во вторую. При этом определяющим фактором были кадры. Председателем проблемной комиссии стал Л. И. Медведь, в ее состав вошли директора институтов — И. И. Семернин (г. Харьков), Л. Э. Жислин (г. Донецк), заведующие кафедрами — Г. Х. Шахбазян, В. К. Навроцкий, З. Д. Горкин, Я. Б. Резник. По предложению председателя, автор этих строк был назначен ученым секретарем. Тогда мне казалось, что это отвлекает меня от работы в лаборатории. Позднее я осознал чрезвычайную полезность и поучительность общений с этими учеными. Обсуждение научных планов и отдельных тем было всегда принципиальным и конструктивным.

Основное требование к научному исследованию, которое предъявлялось министерством — удовлетворить потребности практики, но большинство участников дискуссии понимали важность развития теории тех или иных разделов гигиенической науки. Они умели находить компромиссные решения — удовлетворять требования чиновников и, вместе с тем, накапливать материал для теоретических обобщений.

Послесталинский период вошел в историю страны как «хрущевская оттепель». До сих пор нет единой точки зрения, что это было — избавление от командно-административной системы, конец тотализма и переход к демократии, или начало развала Советского Союза, постепенная реставрация капитализма. Бесконечные хрущевские реформы нанесли огромный ущерб всему народному хозяйству, прежде всего аграрному сектору. В 1958 году необоснованно были ликвидированы МТС, Сельхозтехника была передана колхозам, что привело к сокращению машинотракторного

парка, ухудшенню качества вспашки и сбора урожая. «...Хрущев уже уверовал в свою большевистскую непогрешимость, принимая крупные решения, ни с кем не советуясь. К тому же, особо приближенные к первому секретарю люди почувствовали слабость Хрущева к лести и подхалимству»*. Городское население, прежде всего студенты и школьники, привлекались к сельхозработам. Желаемого результата это не давало. Впервые пришлось хлеб импортировать. Вместе с тем повсеместно трубили о грандиозных успехах, в народе появилось новое выражение — «показуха».

В середине 1950-х годов возникла потребность в новых лабораториях: гигиены сельскохозяйственного труда, радиационной гигиены труда, шума и вибрации, индивидуальной защиты, по изучению пыли. При избрании их руководителей Л. И. Медведь, при прочих равных условиях, отдавал предпочтение молодым ученым, выросшим в Институте. Соответственно лаборатории возглавили С. М. Богушевский, В. А. Кисиленко, А. А. Меньшов, Ю. И. Кундиев, И. Т. Брахнова.

В начале 1954 года в стране торжественно отмечали 300-летие воссоединения Украины с Россией. Отметили эту дату своеобразно — по инициативе Н. С. Хрущева Крымская область была передана из состава Российской Федерации Украине. Мотивы такой передачи были довольно слабыми, но в ту пору это никого не волновало, ведь Советский Союз по существу являлся унитарным государством.

В Институте, в честь этой знаменательной даты, была проведена научная сессия. Тезисы докладов опубликовали в сборнике «Научная сессия в честь воссоединения Украины с Россией» (Киев: Госмедиздат УССР, 1954). С основным докладом «О творческом содружестве русских и украинских ученых в развитии советской гигиены труда» выступил М. Я. Супоницкий.

В 1957 году была организована клиника на 40 коек на базе городской больницы. Появилась возможность не только для экспертно-консультативной работы, но и для изучения клиники отдельных форм профессиональной патологии. Б. А. Кривоглаз, как руководитель клинического отдела, А. А. Модель, Е. П. Краснюк, Г. Г. Лысина, В. Г. Бойко, И. П. Медведовская, Л. П. Цыркунов, как старшие научные сотрудники, теперь получили

возможность сочетать научную работу в лабораториях и клинике.

В эти годы существенно расширилась деятельность также и отдела физиологии труда. Кроме изучения физиологии теплообмена (Н. К. Витте) и мышечной работоспособности (М. В. Лейник), было положено начало исследованиям физиологии умственного труда. В. Г. Крыжановский предложил критерии и методику изучения высшей нервной деятельности при умственном труде [4].

Постоянно расширялись связи Института с практикой. В немалой степени этому способствовало издание брошюр серии «Обмен опытом», всего их было около 90 выпусков.

Подготовленные в Институте и утвержденные Госсанинспекцией СССР «Санитарные правила по конструированию и строительству тракторов, сельскохозяйственных машин и прицепных орудий» (№ 162–54) фактически явились основой для осуществления предупредительного санитарного надзора в стране за выпуском новой сельскохозяйственной техники. Такую же роль применительно к пестицидам сыграли «Санитарные правила по хранению, транспортировке и применению ядохимикатов в сельском хозяйстве».

Расширялись творческие связи Института с проектными и технологическими институтами, заводами-изготовителями сельскохозяйственной техники, машино-испытательными станциями, отдельными колхозами и совхозами. Только в 1956–1957 годах Институт принимал участие в государственных испытаниях 80 новых машин и орудий. В этом деле важная роль принадлежала А. З. Мамсикову. Он вскрыл основные причины травматизма в сельском хозяйстве Украины за послевоенный период. На эту тему написал монографию [15] и защитил кандидатскую диссертацию, будучи сам инвалидом войны, потерявшим в результате ранения кисти обеих рук (Л. И. Медведь не раз называл его «Маресьевым в гигиене»).

В 1955 году в г. Киеве состоялся VIII Всесоюзный съезд физиологов. Пленарные заседания его проходили в большом зале Верховного Совета. Все было чрезвычайно торжественно. Молодые ученые из профильных институтов были мобилизованы в помощь оргкомитету. Нам поручили регистрацию участников, обеспечение демонстраций и прочее. Но самое главное, была возможность присутство-

*Волгонов Д. Семь вождей. Галерея лидеров СССР. Кн. 1. — М.: Новости, 1996. — С. 386.

вать в зале заседаний и слушать доклады. Я запомнил одну особенность съезда — его демократичность. Когда в президиум предложили избрать еще совсем недавно опального академика Л. А. Орбели, зал минут десять стоя аплодировал ученику И. П. Павлова, а другой ученик академик К. М. Быков — главное действующее лицо в борьбе с «антипавловцами», при тайном голосовании даже не был избран в правление общества физиологов. Так делегаты съезда восстанавливали справедливость — «хрущевская оттепель» позволяла ученым проявлять принципиальность, правда не во всем, и не всегда. Т. Д. Лысенко при поддержке лично Н. С. Хрущева еще продолжал культивировать лженауку.

К 1957 году Институт стал признанным научным центром по токсикологии пестицидов. Новые вещества получали не только токсикологическую оценку, применительно к перспективным устанавливались параметры ингаляционной и дермальной токсичности, изучался механизм действия, обосновывались гигиенические регламенты. Перечень изученных веществ к 1958 году был довольно обширным: гранозан, тиофос, меркаптофос, метафос, ДДТ, гексохлоран, линдан, хлортен, хлориндан, гептахлор, хлорпинен, эфирсульфонат.

На рабочие места в лабораторию токсикологии пестицидов приезжали специалисты из других институтов Средней Азии, Закавказья, Молдовы — кто выполнял диссертации, а кто осваивал методы. Сотрудники во главе с директором проявляли исключительную благожелательность по отношению к приезжавшим, завязывались дружеские отношения, которые сохранялись и поныне несмотря на политические перемены.

Качество исследований по токсикологии и гигиене применения пестицидов во многом зависело от аналитической базы. Необходимы были высокочувствительные методы для определения микрочисленности пестицидов в различных средах. Для выполнения этой сложной задачи на должность руководителя лаборатории промышленно-санитарной химии был приглашен крупный биохимик профессор В. П. Вент, старшим научным сотрудником избрали молодого кандидата химических наук М. А. Клисенко (Троценко).

В 1957 году на базе Института была проведена I Всесоюзная конференция по токсикологии и гигиене применения инсектофунгицидов [16]. В ней активное участие принимали Н. В. Лазарев,

Е. И. Люблина, М. Я. Михельсон, П. В. Сазонов (г. Ленинград), Н. Н. Мельников, Э. А. Дрогичина (г. Москва), В. К. Навроцкий (г. Харьков) и др.

Н. В. Лазарев впервые именно на этой конференции выдвинул проблему геогиены и ее связи с задачей изыскания новых инсектофунгицидов и гербицидов.

М. Я. Михельсон обобщил последние данные о механизме действия антихолинэстеразных веществ.

Конференция отчетливо показала общегигиенический характер проблемы пестицидов, необходимость особых требований к стойким хлорорганическим соединениям. С. Г. Серебряная привела дополнительные аргументы в пользу запрещения использования ДДТ в животноводстве и замене его менее кумулятивными веществами.

В связи с тем, что число научных учреждений, разрабатывающих проблему токсикологии и гигиены применения пестицидов, из года в год увеличивалось, возникла необходимость унификации методов исследований. О создании специальных методических указаний говорил на конференции Л. И. Медведь. Это была первая в мире попытка стандартизации методов и условий проведения экспериментов на животных задолго до системы надлежащей лабораторной практики (GLP).

Для тех, кто не имел еще большого опыта работы в этой области, конференция явилась хорошей школой. Можно было не только слушать доклады видных ученых, но и ближе общаться, получать необходимые консультации.

Конференция убедительно показала необходимость общегигиенического подхода к проблеме пестицидов. Пожалуй, первостепенное значение имела оценка остаточных количеств пестицидов в продуктах питания, влияние персистентных веществ на окружающую среду. В Институте же уделялось внимание лишь гигиене труда. Возникал вопрос об интеграции данных, которые получали в других учреждениях. Опыт показал, что это далеко не простая задача.

Эту конференцию я запомнил во всех деталях, может быть потому, что я впервые был включен в состав оргкомитета столь важного события в научной жизни не только Института.

30-летие Института отмечали в конце 1958 года юбилейной научной сессией, публикацией сборника докладов [17]. Я был назначен ответственным за его выпуск. В ту пору издать книгу было далеко не простым делом. Самым сложным

являлось получение разрешения Главлита (цензора). Любые статистические данные тщательно рассматривались, имелся длинный перечень данных, запрещенных к публикации. Если те или иные сведения, приводимые в статье, в том числе данные о профзаболеваемости, свидетельствовали не в пользу социализма, возникали непреодолимые трудности. Редактору иногда проще было пожертвовать статьей в сборнике, чем добиться разрешения на ее публикацию.

Юбилейный сборник содержит немало обобщающих статей, подводящих итоги по основным разделам 30-летней деятельности Института. В докладе Л. И. Медведя были приведены следующие данные, характеризующие рост Института:

общая численность сотрудников:

1940 г. — 58 человек,

1951 г. — 80 человек,

1958 г. — 118 человек (из них 14 за счет хозяйственных работ);

публикации:

1951 г. — 18 работ,

1953 г. — 58 работ,

1955 г. — 89 работ,

1957 г. — 144 работы.

За этот период было опубликовано 12 монографий.

В 1958 году в аспирантуре обучалось 4 человека, в клинической ординатуре — 2.

Одним словом, к своему 30-летию Институт сформировался как весьма авторитетное научное учреждение, развивающее актуальные направления — гигиену труда в сельском хозяйстве, токсикологию, физиологию; успешно готовящее научные кадры; координирующее исследования по гигиене труда и профпатологии в Украине.

В конференции принимал участие один из ведущих гигиенистов страны академик Л. К. Хоцянов (г. Москва), который с большим вниманием относился к деятельности Института и всемерно поддерживал его сотрудников. Во многом поучителен его доклад на конференции: он подверг глубокому социально-гигиеническому анализу жизнь и здоровье трех деревень Коломенского района Московской области за сто лет — с 1851 по 1951 годы. Эта работа была подобна тем классическим описаниям русских деревень, которые предпринимали в свое время земские санитарные врачи в

дореволюционной России [18]. Л. И. Медведь, председательствовавший на конференции, справедливо назвал Л. К. Хоцянова «лириком в гигиене». Конечно, это была грустная лирика. Подмосковная деревня (да и не только она) вымирала — сказались война, послевоенные голодные годы, исход сельской молодежи в города.

В конце 1950-х и самом начале 1960-х годов Институт понес тяжелые утраты — в расцвете творческих сил ушли из жизни В. А. Кисиленко — руководитель лаборатории радиационной гигиены труда, С. М. Богушевский — руководитель лаборатории гигиены труда в сельском хозяйстве; М. В. Лейник — заместитель директора Института по науке, руководитель отдела физиологии труда. Это война продолжала косить свою жатву. Все они участники боевых действий, немало испытавшие в военные годы.

Михаил Владимирович Лейник — прямой ученик академика В. Ю. Чаговца, обладал исключительными качествами — его скромность, доброта, бескорыстие были нарицательными. В первые послевоенные годы он совмещал работу в Институте и Министерстве здравоохранения, где возглавлял отдел науки. Его содействие научным учреждениям и отдельным ученым часто имело решающее значение.

На должность заместителя директора был приглашен М. Я. Супоницкий, имевший огромный опыт практической работы в Министерстве здравоохранения в должности начальника отдела гигиены труда. Из Министерства в Институт перешла опытный специалист О. В. Чебанова. М. А. Хвойницкая была назначена руководителем лаборатории радиационной гигиены труда, а А. З. Мамсиков — гигиены труда в сельском хозяйстве. Так были восполнены понесенные потери.

При главном санэпидуправлении Минздрава СССР был создан Комитет по регламентации ядохимикатов. Его базой стал Институт, а заседания большей частью проходили в Киеве. Фактически Институт выполнял функции всесоюзного учреждения, а материально-техническое обеспечение по-прежнему оставалось республиканским, оплата труда осуществлялась по самой низкой — третьей категории. Естественно, такое несоответствие сдерживало развитие научных исследований по проблеме, мешало должной координации работ не только в масштабах Советского Союза, но и в странах Совета экономической взаимопомощи. В Институте ждали перемен, они назрели.

Литература

1. Смит Х. Русские / Х. Смит–Нью-Йорк, 1976.– С. 195.
2. Очерки истории Украины: под ред. П. П. Толчко.– К.: Киевская Русь, 2010.– С. 404.
3. Маленкович В. Три революции и две перестройки (этюды на темы советской истории) / В. Маленкович.– М.: Международный ин-т гуманитарно-полит. исслед., 2008.– С. 116.
4. Попович М. XX Червоне століття / М. Попович.– К.: АртЕк, 2005.– С. 571.
5. Шахбазян Г. Х. Опыт Киевского института гигиены труда и профессиональных заболеваний по внедрению физиологического учения И. П. Павлова в гигиенические исследования / Г. Х. Шахбазян // Гигиена и санитария.– 1952.– № 6.– С. 45.
6. Шноль С. Э. Герои и злодеи российской науки / С. Э. Шноль.– М.: Кром-пресс, 1997.– С. 305.
7. Шноль С. Э.– Там же.– С. 308.
8. Общее собрание Академии наук СССР // Правда, 1954, 31 января.
9. Беренштейн Л. Эхо «Дела врачей» на Украине / Беренштейн Л. // Новости недели, 1994, 17 февраля.
10. Батько і син Підгаєцькі: дві долі / [Ю. І. Кундієв, О. П. Яворовський, І. М. Сахарчук, В. Д. Парій].– Житомир: Полісся, 2012.– 395 с.
11. Сообщение Министерства внутренних дел СССР // Правда, 1953, 4 апреля.
12. Хвойницкая М. А. Белково-витаминный напиток как средство профилактики нарушений водно-солевого обмена у рабочих горячих цехов / М. А. Хвойницкая.– К.: Госмедиздат УССР, 1957.– С. 9 (серия «Обмен опытом»: вып. 68).
13. Лазарев Н. В. Основы промышленной токсикологии / Н. В. Лазарев.– М-Л.: Медгиз, 1938.– 368 с.
14. Крыжановский В. Г. Изменения пульса при умственной работе / В. Г. Крыжановский // Автореф. дисс.– К., 1955.– С. 11–12.
15. Мамсіков О. З. Профілактика травматизму в сільському господарстві / О. З. Мамсіков.– К.: Держмедвидав УРСР, 1954.– 73 с.
16. Первая Всесоюзная научная конференция по гигиене и токсикологии инсектоfungицидов.– К.: Госмедиздат, 1957.– 167 с.
17. Доповіді наукової сесії на честь 30-річчя інституту.– К., 1958.– 156 с.
18. Хоцянов Л. К. Життя та здоров'я населення в поселеннях Никульське, Речка та Молітвіно Коломенського р-ну за 1851–1951 роки / Хоцянов Л. К. // Доповіді наукової сесії на честь 30-річчя інституту.– К., 1958.– 127 с.

Поступила: 15.04.2013 г.

Контактное лицо: Кундиев Юрий Ильич, ГУ «Институт медицины труда НАМН Украины», ул. Саксаганского, д. 75, г. Киев, 01033. Тел.: + 38 0 44 284 34 27.